

Н.Н. Кабытова*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОМИТЕТЫ 1917 Г. КАК ФОРМА САМООРГАНИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ В ПОВОЛЖЬЕ

Современные историки, анализируя революционный процесс от Февраля к Октябрю 1917 г., по-прежнему упрекают Временное правительство в отрыве от народа и выдвинутых им общественно-политических объединений¹. Однако, формы и методы взаимодействия «самостийных» общественных организаций с «временной» властью на местах изучены недостаточно.

Образованные на местах в первые дни революции общественные комитеты стремились побыстрее конституироваться. Временное правительство главными проводниками своей власти считало губернских и уездных комиссаров, а исполнительным комитетам отводило роль связующего звена между властью и обществом. Лавируя между стремлением к устройству твердой и ответственной власти в регионах страны и необходимостью учитывать общественное мнение, Временное правительство вынуждено было смириться с существованием комитетов. В ответ на многочисленные запросы с мест Министерство внутренних дел определило возможные источники их финансирования: «Средства государственного Казначейства могут отпускаться по сметам губернских и уездных управлений для содержания лишь тех органов или отделов исполнительных комитетов общественных организаций, которые по поручению Временного правительства или его представителей комиссаров выполняют функции органов правительственной власти на местах»². Таким путем правительство попыталось контролировать процесс создания аппарата местной администрации.

Общественные исполнительные комитеты видели свое назначение в структуре новой власти иначе. Они стремились взять на себя всю организацию местных правительственных учреждений и осуществлять последующее руководство ими. Свои функции и задачи общественные комитеты в каждой губернии определяли самостоятельно.

Самарский Комитет народной власти был одним из самых активных и инициативных в Поволжском регионе. 5 марта 1917 г. его исполком избрал комиссию по выработке инструкции об организации власти в губернии и уже 7 марта заслушал составленный ею проект наказа по этому вопросу. В соответствии с ним «Временный комитет является в пределах Самарской губернии представителем и помощником Временного правительства с це-

---

* © Кабытова Н.Н. – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 ««Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

лью установления порядка и управления в интересах закрепления нового государственного строя»³. 10 марта на общем собрании Самарского Комитета народной власти был принят одобренный его исполкомом наказ, определявший компетенцию Комитета по организации власти в губернии. Для реализации этих задач 11 марта был избран новой председателем Комитета народной власти: осторожного кадета П.П.Подбельского сменил деятельный эсер К.Г.Глядков.

В соответствии с наказом исполком Комитета народной власти 15 марта 1917 г. принял постановление по реорганизации городского самоуправления следующего содержания: «1) Комитет народной власти выбирает из своей среды комиссариат из 9 человек, который руководит деятельностью городского самоуправления по всем вопросам городского хозяйства. 2) Решение всех важнейших вопросов городского хозяйства подлежит санкции исполнительного комитета народной власти. 3) Комитет народной власти приступает к выработке мер, которые должны обеспечить скорейшую подготовку реорганизации городского самоуправления на началах всеобщего, равного, прямого, тайного избирательного права»⁴.

16 марта это постановление было утверждено на заседании Комитета. В связи с масштабностью стоявших перед Комитетом народной власти задач 24 марта был переизбран его президиум, который возглавили социалисты: председатель – эсер К.Г.Глядков, товарищи председателя – меньшевики П.П.Митрофанов, В.Л.Преображенский, В.С.Кайрович⁵.

С начала марта 1917 г. в Самаре стали поступать сведения о том, что «в уездных городах старые власти уже устранены, на их местах организованы временные комитеты общественной безопасности»⁶. В некоторых уездах прошли съезды делегатов, состав которых был весьма разнородным: выборные от волостных комитетов, представители старого чиновничества (от крестьянского поземельного банка, казны, удела). Они приветствовали новый строй и выражали надежду на демократизацию управления на местах.

С 25 по 29 марта 1917 г. в Самаре проходил съезд представителей от уездных комитетов народной власти. К началу работы съезда «съехались около 22 представителей от всех уездов, но, поскольку он созывался «при участии самарской группы народников», постепенно его состав увеличился до 158 человек⁷. Это были посланцы различных общественных организаций. Ставя своей главной задачей организацию власти в деревне, инициаторы созыва съезда объявили его I губернским крестьянским съездом. Учитывая популярность советов в массах, съезд призвал к их организации в уездах, а себя объявил губернским Советом крестьянских депутатов. Организаторы съезда – эсеры и народные социалисты составили исполнительный комитет губернского Совета крестьянских депутатов. Здесь же было принято постановление о вхождении исполнительного комитета крестьянского Совета в состав Временного Самарского Комитета народной власти, который стал называться губернским.

Самарский губернский Комитет народной власти, определяя свои функции, объявил, что он является организатором всех местных правительствен-

ных учреждений. Для этого он «стремится к скорейшему установлению связи местных правительственных учреждений с центром, принимает на себя руководство жизнью губернии во всех отраслях, изъятых из ведения правительственных аппаратов... берет на себя распределение продовольствия, урегулирование торговли, действуя в контакте с другими правительственными и общественными учреждениями. Для выполнения этих задач Комитет народной власти организуется на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»⁸.

Сравнивая определенные Временным правительством весьма расплывчато полномочия губернских комиссаров и самопровозглашенные прерогативы Самарского губернского Комитета народной власти, мы отчетливо видим, что последний претендовал на приоритет в организации власти в губернии. В течение марта-апреля 1917 г. эти претензии Комитет реализовывал в жизнь. К.Г.Глядко 11 апреля 1917 г. сложил с себя полномочия председателя Комитета в связи с его реорганизацией, но 12 апреля был переизбран на этот пост. В обновленный президиум вновь были избраны представители советов: от Совета рабочих депутатов – меньшевик В.С.Кайрович, от Совета солдатских депутатов – меньшевик П.П.Митрофанов, от Совета крестьянских депутатов – эсер И.В.Мошков⁹.

20 апреля на заседании исполкома Самарского губернского Комитета народной власти с участием представителей уездных комитетов были подведены итоги его организационного строительства. Признавая, безусловно, желательной организацию любой власти «на началах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права», собрание сочло возможным временно ограничиться представительством от уже созданных общественных структур. Временно в состав исполкома губернского Комитета народной власти ввели по 21 представителю от Совета крестьянских депутатов и уездных исполнительных комитетов¹⁰.

11-12 апреля в Самаре проходило также совещание уездных комиссаров. На нем обсуждался вопрос о взаимоотношениях комиссаров с местными общественными организациями. По мнению собравшихся, «роль уездных комиссаров на местах свелась лишь к действиям передаточной инстанции, но не больше. Вся инициатива в административном отношении, как местной власти, всецело находится в руках исполнительного комитета. Связь же с уездной правительственной властью осуществляется через губернского комиссара. Все распоряжения Временного правительства, передаваемые губернским комиссарам к исполнению уездными комиссарами, последними передаются исполнительным комитетам. Встает вопрос о том, насколько необходима должность уездного комиссара». Было даже высказано опасение, что и предоставление комиссарам контрольных функций «внесет деформацию в жизнь местных учреждений, созданных на началах широкой общественности». В ответ последовали возражения, что «речь об оставлении или упразднении должности уездных комиссаров могла иметь место лишь в том случае, если бы это явление рассматривалось как постоянное. Сейчас же переходное время. Все современные организации носят в

некоторых случаях захватный характер, а в общем не всегда отвечают принципам полного и справедливого представительства всего населения. Вот поэтому необходимо иметь такую власть, которая заполняла бы разрыв между отдельными организациями по самоуправлению. В особенности необходима такая связь в нынешний переходный момент перед созывом Учредительного Собрания, когда местные самоуправления переживают стадии организации и начинания их представляются несогласованными и разрозненными. Вопрос о том, в какую окончательную форму выльется государственное управление и, в частности, местное самоуправление, разрешится Учредительным Собранием. В настоящее время представители правительства в лице уездного и губернского комиссаров необходимы как для того, чтобы проводить на местах директивы центральной власти, следить за закономерностью действий местных органов власти, так и для того, чтобы осведомлять центральное правительство об организационной работе местных исполнительных комитетов». Итог данных прений поразителен: совещание пришло к заключению, что «комиссары как единоличная власть существовать не могут», т.к. «при современном положении дел им не может быть достаточным образом обеспечен известный авторитет. Поэтому как при губернских, так и уездных правительственных комиссарах должны быть образованы коллегиальные советы»¹¹. Итак, в организации новой власти в Самарской губернии комиссары Временного правительства явно проигрывали Комитетам народной власти и поэтому не претендовали на ведущую роль, добровольно передавая ее в руки общественных представителей.

Еще более оригинальная ситуация сложилась в Саратовской губернии. Здесь общественный городской исполнительный Комитет в течение месяца с небольшим был властью в Саратове. Поскольку губернский комиссар являлся выдвиженцем ОГИК и только благодаря его настойчивости был утвержден в должности Временным правительством, он не мог противодействовать самостоятельности и инициативе уездных общественных комитетов. Утвердив свое лидерство в городе, Саратовский ОГИК приступил к выработке системы соподчинения власти в губернии. Уже в середине марта на конференции городских исполнительных комитетов Саратовской губернии обсуждался вопрос об использовании труда военнопленных в семьях крестьян, призванных на фронт¹².

26-29 марта 1917 г. состоялся съезд представителей уездных и городских исполнительных комитетов Саратовской губернии. Обсуждая задачи и функции комитетов, съезд выступил в качестве законотворческого органа, утвердив прерогативы местной власти на переходный период. В его резолюциях детально разработана система власти, соподчиненность всех ее структур на уровне губернии, указаны направления демократизации органов самоуправления, определен порядок выборов в общественные комитеты. Съезд признал безусловными «органами местного управления губернский, уездные, волостные и, где это по местным условиям окажется нужным – городские, сельские и поселковые исполнительные комитеты». Высказано

было пожелание реорганизации комитетов на основе пропорционального представительства всех слоев населения. Рассматривая себя как временные организации, исполнительные комитеты определили срок своих полномочий до выборов в «местные самоуправления... на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права»... На съезде было закреплено право исполнительных комитетов «избирать соответствующих комиссаров, которые будучи исполнительными органами комитетов, действуют, руководствуясь их постановлениями и директивами... По делам местным комиссары подчинены только местным исполнительным комитетам»¹³.

Постановления съезда не были просто декларацией с претензиями на власть одной из общественных структур, возникших в ходе Февральской революции на местах. Детальная разработка прав и обязанностей комитетов, нормативных принципов их функционирования, системы финансирования, «инструкции для производства выборов» свидетельствовала о наличии у них фактической власти. Это подтвердили также резолюции съезда по актуальным вопросам управления губернией. Были установлены «твердые цены на все фабрикаты, составляющие предмет первой необходимости», упорядочена деятельность организаций по снабжению войск, приняты меры к «засеву весной яровых полей», регламентировано использование труда военнопленных «на посевных работах»¹⁴. Итак, съезд утвердил сложившуюся в губернии новую систему власти, определив в качестве представительных, законотворческих и формирующих местные административные органы общественные исполнительные комитеты. Саратовский ОГИК пополнил свой состав представителями от всех уездов¹⁵ и таким образом аккумулировал власть в губернии.

Уникальность концентрации властных функций Саратовским ОГИКом заключалась не просто в его активных действиях по утверждению своего влияния, а в составе его членов, среди которых доминирующую роль играли представители Совета рабочих и солдатских депутатов. В то же время руководили Саратовским Советом первого созыва большевики. Их влияние ощущалось в резолюциях съезда исполнительных комитетов не только по социальным вопросам, но и по проблемам конструирования новой власти в губернии. Специальной резолюцией регулировались «отношения комитетов к Совету рабочих и солдатских депутатов и к Военному комитету». В ней подчеркивалось, что «для установления связи городского трудового населения с крестьянством необходимо ввести в состав уездных комитетов представителей от Совета рабочих депутатов, а там, где их нет, и организованных рабочих. Кроме того, желательно ввести в городские и уездные комитеты представителей от военной организации»¹⁶. Сами советы не поглощались общественными комитетами, они должны были решать «вопросы, затрагивающие общие интересы политического момента на совместных заседаниях президиумов... этих организаций, но в вопросах управления Исполнительные комитеты – единая власть в уезде или городе»¹⁷.

Оценивая деятельность Саратовского общественного комитета по формированию власти в губернии, необходимо отметить его лидерство в этом вопросе, признанное всеми общественными силами. В первый месяц революции здесь так же, как в Самарской губернии, не было ни двоевластия, ни троевластия, ни многовластия – было единовластие ОГИК, державшееся, безусловно, на поддержке советов. Радикальный состав Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов не повлиял на его тактику – единение всех демократических сил в одном представительном органе, принявшем временно на себя полномочия организации власти на местах.

В организации новой власти после свержения самодержавия были различия не только между центром и провинцией, они имелись в каждой губернии. Несмотря на общую форму, содержание деятельности общественных комитетов, их место и роль зависели от расстановки политических сил в каждой конкретной местности. Даже в условиях одного региона, выделенного по параметрам общего направления экономического развития и традиций социальных движений, влияние различных общественно-политических сил в начальный период революции отличалось большим своеобразием.

По темпам социально-экономического развития такие крупные губернские города Поволжья, как Казань, Самара, Саратов, к 1917 году находились примерно на одинаковом уровне. Однако в Казани по-прежнему были сосредоточены административно-управленческие силы всем обширным Поволжско-Уральским регионом. Несмотря на давние традиции революционного движения в крае, власти имели больше возможностей для пресечения деятельности любой оппозиции. В связи с этим Казанский Комитет общественной безопасности, который инициаторы его создания стремились «наделить всей полнотой власти», вовсе к ней не стремился после создания института губернских и уездных комиссаров Временного правительства. Его законопослушность, отсутствие стремления к властным полномочиям, подчинение воле губернского комиссара не удовлетворяли многие общественно-политические силы в городе. Большевистская «Казанская рабочая газета» выразила недовольство тем, что губернский Комитет общественной безопасности был создан в «крайне неудовлетворительном виде», его организаторы обеспечили большинство цензовым элементом, а демократический «элемент был привлечен для некоторого украшения комитета» и оказался «бессильным предпринять какие-либо серьезные меры». В связи с этим ставится задача организации демократии повсюду в губернии, т.к. «вряд ли кто станет утверждать, что образовавшиеся комитеты ... являются выразителями мнений народа»¹⁸.

Несмотря на критику Казанского губернского Комитета общественной безопасности, все политические партии и общественные организации стремились с ним сотрудничать, надеясь использовать его в качестве организатора демократических преобразований. Даже наиболее радикальные силы сотрудничали с Комитетом: в его состав вошли представители всех социалистических партий, в том числе большевики В.Тихомиров, А.Комлев, И.Жу-

равлев, А.Карпов, представитель Мусульманского социалистического Комитета М.Вахитов, меньшевик-интернационалист Е.Вегер¹⁹.

В первой половине марта комитеты общественной безопасности образовались почти во всех уездных городах Казанской губернии, но они, как и губернский, находились под патронажем уездных комиссаров. Например, Спасский «городской комитет общественной безопасности был избран населением из 15 лиц» 9 марта 1917 г. «Для ведения дел избрано особое лицо, пользующееся доверием населения – В.И.Вихирев»²⁰. Однако по получении указаний от временно вступившего в управление губернией В.В.Молостова всем структурам – городской Управе, городскому Голове, уездному исправнику – было предложено подчиниться уездному комиссару, которым назначили председателя уездной земской управы²¹. Состав членов уездных и городских комитетов общественной безопасности в Казанской губернии был общедемократическим, но партии социалистического направления на первых порах в них были почти не представлены из-за отсутствия таковых. Зато при наличии авторитетных лиц, даже представлявших местный отдел «Союза русского народа», как, например, врач Лебедев в г. Арске Казанской губернии, они выдвигались в общественные комитеты²². В целом комитеты общественной безопасности в Казанской губернии не стали организующими центрами демократических преобразований. Они заняли отведенную им роль посредника во взаимоотношениях комиссаров Временного правительства и общественности. Представители советов, вошедшие в состав комитетов, не определяли политику последних. Однако заявить самостоятельные претензии на организацию новой власти в губернии и даже на контроль за ней советы пока не могли, т.к. сами находились в стадии формирования. В первый месяц революции комиссары Временного правительства олицетворяли новую власть в Казанской губернии, но она с самого начала была лишена широкой общественной поддержки в силу ее изначального отторжения демократическими элементами.

В Симбирской и Пензенской губерниях вплоть до революции сохранилось значительное влияние представителей «дворянских гнезд» на общественную жизнь. И либеральные, и революционные общественные силы в них начали оформляться только в ходе революции. На первых порах инструкции Временного правительства по организации власти на местах здесь выполнялись неукоснительно. Губернские и уездные комиссары назначались по команде сверху, а исполнительные комитеты рассматривались как представительные совещательные органы. Все административно-управленческие решения принимались комиссарами, но доводились до сведения комитетов.

Попытки сохранения строго централизованной системы управления наглядно проявились в деятельности Пензенского губернского комиссара князя Кугушева. Он не стал ждать, когда общественные комитеты возьмут на себя инициативу организации новой власти в губернии, а быстро и четко дал необходимые указания по этому вопросу уездным комиссарам. 11 марта 1917 г. он разослал циркуляр уездным комиссарам, предлагая им «при

содействии исполнительного комитета немедленно командировать во все волости и села эмиссаров для разъяснения населению происшедших событий, содействию организации милиции и принять меры к поддержанию в уезде спокойствия»²³.

После получения из МВД разъяснений по строительству новой власти от 16 марта 1917 г. губернский комиссар князь Кугушев с той же напористостью и энергией принялся их реализовывать. Он предложил уездным комиссарам «отстранить земских начальников от исполнения судебных функций..., в согласии с уездным исполнительным комитетом наметить лиц... на должность уездных судей; число участков сократить вдвое..., в волостях отстранить волостного старшину и писаря и принять дела волостного правления в ведение волостного комитета»²⁴. Он потребовал также немедленно организовать волостные комитеты там, где они еще не созданы, указав, чтобы в выборах принимало участие все население волости «не исключая землевладельцев, учителей, священников и т.п.»²⁵. Это было вполне своевременное предупреждение для крестьян, стремившихся предотвратить доступ в низовые комитеты, прежде всего, землевладельцам.

На совещании уездных комиссаров и представителей исполнительных комитетов Пензенской губернии не было выработано никаких правил по организации власти на местах. Был установлен лишь размер жалованья по комиссариату и милиции. Уездные исполнительные комитеты избирались различными способами. Временное правительство и назначенные им комиссары считали их проявлением местной самодеятельности, которую приходится пока терпеть. Если губернский комитет не разрабатывал инструкции, то уездные комитеты организовывались чаще всего по принципу представительства от различных групп населения, избравших депутатов самостоятельно.

Практиковалось также формирование комитетов по избранию общественных организаций и партийных групп. Иногда в городе и уезде оповещалось все население и «на собрании всех присутствовавших без различия сословных, имущественных и профессиональных состояний избирался уездный комитет. Крайне редко «выборы производились в городе и уезде на основании всеобщего, прямого и равного голосования»²⁶. Эти принципы формирования уездных исполнительных комитетов с самого начала революции обеспечили в них преимущественное представительство так называемому «третьему элементу» общества, который постепенно вытеснил председателей земских управ из реального института местной власти после Февраля 1917 г. с должностей комиссаров Временного правительства²⁷. В именном списке председателей уездных исполнительных комитетов Пензенской губернии, избранных в марте 1917 г., директора гимназии и учительской семинарии, земский врач и лесничий, два податных инспектора и секретарь уездной земской управы, подполковник и представитель солдатских депутатов²⁸. Временное правительство в период формирования своей власти на местах не пожелало опереться на эти умеренно-либеральные слои общества, чем еще больше сузило свою социальную базу.

В Симбирской губернии организация местной власти полностью контролировалась губернским комиссаром Временного правительства. Губернский и уездные комитеты общественной безопасности не выработали самостоятельной позиции не только по принципам, но и по организационным нормам общественного представительства в новой системе власти. Между тем разработанные Симбирским губернским комитетом общественной безопасности и губернским комиссариатом «Правила по устройству деятельности сельских и волостных исполнительных комитетов» нужно было как-то довести до самих реформируемых. Для этого 20-21 марта по инициативе администрации и общественных организаций был созван Симбирский губернский съезд. Его состав был достаточно представительен. 548 депутатов были делегированы волостными комитетами и собраниями, земскими и городскими управами, кооперативами и различными общественными организациями. Главная задача организаторов съезда заключалась в упорядочении организации власти в деревне и создании системы подчиненности исполнительных комитетов снизу доверху. Для того чтобы отсечь возможность давления радикальных слоев населения на властные структуры в губернии, съезд одобрил предложение губернского комиссара о том, что «представители крестьян в Комитете обязаны будут жить в г.Симбирске на собственные средства»²⁹.

На съезде была сформирована крестьянская фракция Симбирского губернского исполнительного Комитета, которую образовали депутаты от уездов. В количественном отношении это была довольно внушительная группа (по 4 человека от каждого уезда),³⁰ но влияние на действия администрации она, как и весь Комитет, не оказывала. Пассивность как губернского, так и уездных комитетов общественной безопасности в Симбирской губернии с самого начала лишила местную власть поддержки населения, а партии и общественные организации, сотрудничавшие с ними, – соответственно социальной базы в революции.

Итоги строительства новой власти на местах обсуждались на проходившем 24-26 апреля 1917 г. в Петрограде совещании губернских комиссаров Центральной России. Вопрос о взаимоотношениях комиссаров с комитетами общественных организаций вызвал среди собравшихся бурные прения. Обнаружилось, что взятый Временным правительством курс на назначение комиссарами председателей губернских и уездных земских управ, наделение их многими полномочиями бывших губернаторов не одобряет население страны. Демократическая общественность на местах организовывала комиссариаты, которые являлись как бы коллегиальными органами по управлению губернией или уездом.

Оживленные прения на съезде вызвал вопрос о структуре высшей губернской власти. Некоторые губернные комиссары полагали, что во главе губернского управления в качестве представителя Временного правительства должен стоять коллегиальный орган, избираемый возникшими на местах исполнительными комитетами или другими общественными организациями. Большинство же считало, что во главе губернского управления дол-

жен стоять единоличный представитель правительственной власти в лице комиссара, действовавшего в единстве с местными общественными организациями. Временное правительство пошло на уступки местным демократам. Было признано необходимым внести в проект положения о комиссарах следующие два дополнения: «1. Во всех мероприятиях, касающихся местной жизни губернии, комиссар действует в единстве с губернским комитетом общественных организаций. 2. Губернский комиссар назначается Временным правительством по соглашению с губернским комитетом общественных организаций»³¹.

Временное правительство, утверждавшее под давлением снизу заменяемых комиссаров и возникавшие комиссариаты, не желало согласиться с принципом их выборности. Отношение правительства к выборности комиссаров подчеркивалось тем, что уездные комиссары не могли быть переизбраны по инициативе граждан уезда. Увольнение уездных комиссаров допускалось исключительно по постановлению правительства. Губернские комиссары представляли их к назначению правительством. Они же могли делать представление правительству об увольнении уездных комиссаров, но только в том случае, если одновременно рекомендовали кандидатуру его преемника на посту уездного комиссара.

Правительство в течение нескольких месяцев определяло принципы деятельности комиссаров телеграммами. В начале мая отделом по делам местных самоуправлений был разослан на места очередной циркуляр. В нем подтверждалось, что основной обязанностью комиссара является «надзор за деятельностью правительственных учреждений и за законностью действий органов местного самоуправления»³². Местным властям указывалось, что так как комиссар представляет правительство, он назначается им по соглашению с комитетами общественных организаций и в своей деятельности опирается на их поддержку. Однако наиболее инициативные общественные комитеты разработали собственные инструкции по конструированию демократической власти на местах и начали действовать в соответствии с ними.

27 мая открылся I Поволжский областной съезд исполнительных комитетов. На нем была принята резолюция «О комиссарах», где считалось необходимым «в целях усиления на местах начала твердой власти и укрепления авторитета Временного правительства создание такого положения, чтобы комиссарами правительства утверждались исключительно лишь избираемые исполнительными комитетами их председатели»³³. Другое постановление съезда определяло юридический статус исполнительных комитетов: «всемерное укрепление начал государственности, установление и осуществление твердой власти на местах, проведение в жизнь указаний и распоряжений Временного правительства, контроль за деятельностью местных самоуправлений, правительственных учреждений и должностных лиц, подготовка к выборам в Учредительное собрание, организация юридической помощи населению, культурно-просветительская деятельность»³⁴. Такие решения съезда создавали правовую базу для замены не только уезд-

ных, но и губернских комиссаров Временного правительства более демократическими элементами.

Рассматривая процесс конституирования общественных комитетов на местах, необходимо подчеркнуть самостоятельность и независимость этого процесса от центрального руководства. Временное правительство не захотело, чтобы его структуры в провинции делились властью с общественными организациями. Тем самым оно упустило возможность управлять через комитеты всеми общественными организациями, в том числе советами, делегировавшими в них своих представителей. Как известно, бунт возникает не там, где разрешают, а там, где запрещают. Ограничивая возможности комитетов, Временное правительство потеряло контроль за процессом развития революции на местах, не смогло их использовать для консолидации всех демократических сил. Пренебрежение общественным мнением с самого начала формирования власти в провинции лишило Временное правительство возможности социальной поддержки не на словах, а на деле. Общественные комитеты могли бы на первых порах выполнить эту задачу.

Примечания

¹ Кабытова Н.Н. Мифы и реалии российской революции 1917 г. в провинции // Самарский земский сборник. 2006. №1/2 (13/14). С. 72-78.

² Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел до 1 июля 1917 года. Пг., 1917. С. 10.

³ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО) Ф. 813. Оп. 1. Д. 13. Л. 19.

⁴ ЦГАСО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.

⁵ Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902-1917. / Под ред. К.Я.Наякшина. Куйбышев, 1969. С. 446.

⁶ Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. М., 1929. Т. 1. Ч. 1. С. 88.

⁷ Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Т. 1. Самара, 1927. С. 34.

⁸ ГАСамО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.

⁹ Попов Ф.Г. Летопись революционных событий... С. 456.

¹⁰ ЦГАСО Ф. 823. Оп. 1. Д. 8. Л. 76, 78.

¹¹ ЦГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.

¹² Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. – Саратов, 1995. С. 89.

¹³ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 4.

¹⁴ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 4 об. – 6 об.

¹⁵ Рейли Д.Дж. Политические судьбы... С. 89.

¹⁶ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 5.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цит. по Тагиров И.И. Партийные организации Среднего Поволжья в борьбе с антинародной политикой местных органов власти Временного правительства: дисс. . . . канд. ист. наук. Казань, 1988. С. 47.

¹⁹ Там же. С. 51.

²⁰ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1246. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 23-25.

²² Кабытова Н.Н. Демократизация местного управления в российской революции 1917 года // Вестник Самарского государственного университета. 2009. N7(73). С. 95.

²³ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

²⁴ Там же. Л. 36.

²⁵ Там же. Л. 37, 49.

²⁶ Там же. Л. 86-94.

²⁷ Герасименко Г.А. Состояние власти в России после свержения самодержавия // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 125.

²⁸ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 77.

²⁹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 677. Оп. 2. Д. 12. Л. 11-12

³⁰ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 101. Л. 58.

³¹ Вестник Временного правительства. 1917. 28 апреля.

³² ЦГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.

³³ ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 349.

³⁴ ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 351.